

АННА ЧАРОВА

ЛЮБОВЬ
приходит
в черном

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-21

Чарова, Анна.

Ч-21 Любовь приходит в черном / Анна Чарова. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 416 с. — (Любовь и Магия).

ISBN 978-5-699-83460-0

Журналистка Марина во время сенсационного репортажа прикоснулась к Неведомому. А потом Неведомое прикоснулось к ней, и жизнь Марины изменилась навсегда. Цунами страсти накрыло ее и понесло в неизвестность. Сама того не желая, она увидела Запретное, и теперь по ее следу идут зловещие враги. Боль и слепящая любовь, отчаяние и опасное возбуждение, ненависть и щемящее счастье — отныне постоянные спутники Марины. Сумеет ли молодая журналистка раскрыть тайну странных охотников, избежать их мести? И сможет ли она сделать все это сама или ей ни за что не обойтись без сильных мужских рук? Что выбрать: лишаящую рассудка страсть или преданную нежность?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83460-0

© Чарова А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Пролог

— Он перешел границы дозволенного, — сказал Главный, хмурый мужчина с загорелым, изрезанным морщинами лицом. — Ян, вам нужно отыскать его.

— Это несложно, — улыбнулся Ян.

Небольшая гостиная со стенами красного дерева, уютно потрескивающим камином и основательной мебелью предполагала беседы о политике и судьбах мира... но речь шла не о столь глобальных, хотя о более странных, загадочных и опасных вещах. Ян только что отчитался о проделанной работе, о поимке ренегата, и готовился приступить к новому заданию, когда ему выдали фотографию высокого брюнета с яркими глазами и зачесанными назад волосами. Лицо притягательное, даже на снимке видно. Собственно, таким оно и должно быть.

— Это уже труднее, — продолжил Главный. — Он живет в городе очень долго, оброс нужными связями, ни в чем не нуждается. А главное — раньше он не заступал за черту. Осторожный, скрытный. Круг общения меняет раз в два года, место жительства — каждый год.

— Он не мог не наследить. Такие всегда... выделяются. И оставляют за собой кучу трупов.

— Говорю же: он держался в рамках закона. — Главный поднялся и принялся в раздражении проха-

живаться по толстому ковру. — И постоянно обрывал старые связи. За эти десятилетия его знакомые ни разу не пересеклись. Он менял имидж, внешность, манеру поведения. Кажется, никто из жертв так ничего и не понял.

— Люди вообще не очень понятливы, — кивнул Ян. — Но я его найду. Что мне сделать потом?

— Уничтожь, он опасен, и для нас — в том числе.

Ян приподнял уголки губ:

— А для нас-то почему?

Главный махнул рукой:

— Он развенчает устои, которые складывались тысячелетиями. Представляешь, что будет, если все наши начнут переступать через правила? Он сейчас силен и вполне может залечь на дно — ресурсов хватит. Но мне кажется, он вкусил безнаказанность и не остановится, слишком уж сладок результат.

— Что-нибудь есть по нему?

— Практически ничего.

— Ну хорошо. — Ян поднялся. — Вас понял, приступаю.

Часть первая

Из-за приоткрытой двери тянуло неприятностями.

Ну не положено у знаменитостей, за которыми бегают толпы поклонников, не закрывать двери.

Марина еще раз нажала на кнопку звонка, но хозяйка так и не вышла. Тревога усилилась. Марина попыталась себя успокоить: Оливия много работает и устает. Может, она просто уснула и не слышит звонок? В конце концов, вышколенный консьерж, посмотрев на удостоверение журналиста, кивнул и проговорил: «Проходите, вам назначено». Лучше бы он пристал с расспросами, позвонил хозяйке квартиры, тогда не пришлось бы принимать сложное решение.

Уходить? Ну уж нет. Марина много дней ждала, когда у поп-дивы, ее кумира, появится свободная минутка для интервью.

Вторгаться в частные владения?

Ждать дальше? Но так и сутки под дверью проторчать можно.

Допустим, Оливия уснула в ожидании журналистки. Да, эта версия наиболее правдоподобна. Ждет, вот и не закрыла дверь. Надо просто войти и позвать.

Из квартиры лилась едва слышная музыка: флейта и гитара, слов песни было не разобрать.

Набравшись смелости, Марина переступила порог и очутилась в просторной прихожей с зеркалом в половину стены, встроенным шкафом и пальмами в глиняных горшках с росписью, стилизованной под Древний Египет.

В прихожей было две дубовые двери с золочеными ручками: одна закрытая, вторая — распахнутая. Будто хозяйка хотела, чтобы гостя прошла именно туда.

Неправильно это, похоже на то, что поп-дива заманивает Марину. Но зачем? Подставить? Руки невольно вцепились в фотоаппарат. Захотелось бежать отсюда без оглядки.

Но тогда Марину ждет раздолбеж в офисе, слишком это интервью нужно главреду. «Кнышева, не будь трусом, — мысленно подбодрила себя Марина. — Кто не рискует, тот ест невкусную еду, пьет дешевый алкоголь».

Принимать или не принимать чужие правила? А, будь что будет!

О, какая у Оливии была кухня — мечта любой современной женщины: размером с Маринину малосемейку, с окнами во всю стену, встроенной техникой и шкафчиками под мрамор. На полочке за барной стойкой выстроились початые бутылки. Стекланный столик был усыпан хлебными крошками, на черном блюде лежал надкушенный бутерброд с сыром, в чашке остывал недопитый кофе.

И снова незакрытая дверь, будто зовущая в темноту следующей комнаты. Воображение нарисовало

черную мессу, свечи, расставленные вокруг жертвенного ложа, людей в мантиях, скрывающих лица. Что за чушь в голову лезет! Кнышева, прекрати! Ты не представляешь для сатанистов никакого интереса: давно не девственница, в меру грешна, в меру добродетельна.

Музыка заиграла громче.

— Оливия, — позвала Марина, но никто не ответил, лишь эхо заметалось в комнатах. — У вас все в порядке?

Не дождавшись ответа, Марина побрела дальше, чувствуя себя воровкой.

Следующая комната напоминала гибрид фотостудии и молитвенной. Темные бархатные занавески не пропускали солнечный свет, и Марина часто заморгала, привыкая к полумраку. На стенах вместо обоев висели фотографии разного размера. Сначала подумалось, что Оливия страдает нарциссизмом и развесила свои снимки, но, приглядевшись, Марина поняла, что на них — мужчина, длинноволосый блондин, отдаленно похожий на Брэда Питта.

Работая в престижном глянцево-журнале, Марина по долгу службы знала всех более-менее выдающихся политических деятелей, бизнесменов и шоу-звезд, но это лицо видела впервые. Не замечая ничего вокруг, она уставилась в пронзительно-синие глаза незнакомца. Помотала головой, отгоняя оцепенение, и наконец заметила Оливию. Хозяйка квартиры спала на диване, свернувшись калачиком и даже не сняв домашний шелковый халат. Одну руку она подложила под щеку, вторую свесила до пола. Белые волосы разметались по черной коже

дивана, полы халата задрались, обнажая загорелое бедро. Музыка лилась из колонок, нежный женский голос пел:

Мечется в клетке волк,
Пытаясь прутья сломать.
Клетка сильнее него,
Но ему это трудно принять¹.

Марина остолбенела. Она очутилась в святая святых, вряд ли Оливия обрадуется, обнаружив ее здесь. Украдкой она сделала снимок блондина и попятилась к выходу, не сводя взгляда с Оливии, собралась снова позвать ее, но замерла с открытым ртом: на паркете валялся пустой шприц и исписанный крупными буквами лист бумаги. Бросило в жар, потом — в холод, ладони взмокли.

Марина шагнула к Оливии, коснулась ее шеи, нащупала едва различимый пульс и выдохнула с облегчением. Живая!

Отступив, Марина сфотографировала комнату — скорее машинально, чем повинувшись зову разума. Склонилась над запиской, сделала еще один снимок: «В моей смерти прошу никого не винить. Я слишком устала бороться и хочу уйти».

И тут она ощутила чужое внимание. Кто-то большой и недобрый стоял позади и сверлил спину взглядом. Наклонившись еще ниже, Марина использовала фотоаппарат, как зеркало. Отражавшаяся в нем комната была пустой, но ощущение присутствия не исчезло. Медленно разогнувшись, она обернулась и встретила взглядом с фотографией блондина.

¹ Слова из песни «Зов маяка» группы Флер.

И чего только не пригрезится со страха!

Видимо, Оливия решила инсценировать самоубийство и сделать из него шоу, чтобы манипулировать возлюбленным. Скорее всего ее жизни ничего не угрожает: истеричные женщины часто так делают. В том, что причина случившегося — несчастная любовь, сомнений не осталось. Есть только одно «но»: Марина давно наблюдала за Оливией, это была рассудительная талантливая женщина, добившаяся всего своим трудом. Ни богатого отца, ни «папика» у нее не было. Зато было первое сопрано и три октавы, целеустремленность и нечеловеческая работоспособность.

Выходит, Марина или не разобралась в ситуации, или ошиблась в человеке. Открытые двери, доброжелательный консьерж намекали скорее на второе.

Что ж, это даже к лучшему: не будет мучить совесть, что сунулась в частную жизнь, вынесла на всеобщее обозрение чужую трагедию. Марина прицелилась фотоаппаратом в самую большую фотографию блондина, сняла его и поставила галочку, что надо будет выяснить, кто он такой.

Затем вынула из фотоаппарата карту памяти, спрятала, вставила другую и набрала «Скорую помощь».

Дожидаясь врачей, она выгащила планшет, подключилась к Интернету и написала: «Любовь едва не убила Оливию. Знаменитая поп-дива попыталась покончить с собой. К счастью, она не заперла входную дверь, и певицу вовремя нашли. Кто он, тайный возлюбленный Оливии?» Прикрепив фотографии

блондина, Марина отправила письмо главреду Тампошке, позвонила ему:

— Аркадий Анатольевич, срочно проверьте почту.

— Что-то случилось, радость моя? — пробормотал главред масляным голосом.

— Сенсация, Аркадий, — скривившись, ответила она. — Поверьте, в ваших интересах поспешить.

Считается, что мужское внимание льстит женщине. Наверное, да, но только если поклонник — не лысеющий с темечка, мелкий, самовлюбленный Тампошка.

Взвыла сирена «Скорой помощи», и Марина отключилась. Чувство было, будто она искупалась в сточной канаве.

* * *

Домой Марина попала к девяти вечера голодная и измотанная. Два часа пришлось провести в кабинете следователя, еще полтора — добираться домой.

Но самым тошным оказалось то, что самоубийство Оливии — не инсценировка. Женщина действительно хотела уйти из жизни, принятая доза наркотиков могла быть смертельной. Сейчас поп-звезда находилась в реанимации, врачи боролись за ее жизнь.

Тампошка фонтанировал комплиментами. Сотни желтых газет беззастенчиво перепечатывали Маринин материал, а ей хотелось вымыться. Другая на ее месте радовалась бы: премия гарантирована, зависть коллег — тоже, но за полгода работы журналистом очерстветь не получилось, и добывание сенсаций

из чужого грязного белья пробуждало проклятую совесть.

Права была мама, отговаривавшая поступать на журфак. Натура свое берет. Когда людям раздавали совесть, Марине отсыпали от души, и что теперь с ней делать? В жизни ведь как: если хочешь вкусно есть и мягко спать, крутись, через голову перепрыгивай, а совесть мешает, волочится балластом, и не сбросить никак.

Вздохнув, Марина протопала к холодильнику. В крохотной кухне он попросту не уместился, поэтому стоял в прихожей. В лицо дохнуло холодом из белых пустынных недр: початая бутылка молока, стакан кефира, капуста. М-да, негусто, а в магазин топтать не осталось сил.

Выпив кефир, Марина сварила себе кофе и улеглась на диван, рассчитывая посмотреть любимый сериал.

Только она потянулась к пульта, как в сумочке заголосил телефон. Только не Тампошка, пусть кто угодно, хоть черт с рогами!

Звонил мелкий бес по имени Наташа. Положив телефон на ладонь, Марина призадумалась, отвечать ли. Наташка была на пять лет старше, но в свои двадцать девять так и не нажила мозгов. Каждый раз она самозабвенно влюблялась навсегда. Потом оказывалось, что объект недостойный. Затем следовали длительные попытки изгнания объекта с периодическим его возвращением в семью и редким мордобоем. Сейчас у Наташи была новая любовь — ленивый гопник Саша. Выслушивать вечные Наташкины

жалобы не было ни сил, ни настроения. Но что-то заставило ответить.

— Привет, дорогая. Что случилось? — проговорила Марина, прижимая телефон плечом к уху и насыпая в кофе сахар.

Наташка всхлипнула и прохрипела:

— Мариночка... Приезжай, пожалуйста, мне так плохо...

— Нат, давай завтра, я устала адски. Набегалась, глаза сами закрываются.

Подруга еле слышно разрыдалась:

— Приезжай, господи, а то я что-нибудь с собой сделаю... Так больно...

Марина поперхнулась кофе. Первая мысль была: что-то случилось с ее дочкой. Но, слава богу, это не так. Наташка заскулила:

— Господи, как он мог так со мной поступить? — всхлип. — За что?

Похождения и страдания Наташки виделись Марине блажью, но она любила приятельницу, как любят непутевую младшую сестру. Да, она старше, но ведь глупая, беспомощная. Потянуло ее отчаянием — безнадежным, как ноябрьский дождь. Вспомнилась Оливия, пустой шприц на полу, записка...

А если и вправду сделает? И как жить с осознанием, что не подставила плечо другу в трудную минуту? Дружба — вещь обоюдоострая.

— Хорошо, жди. Выезжаю.

Толкаясь в метро, Марина размышляла. Жила-была самодостаточная женщина Оливия, толпы поклонников бегали за ней, передавали цветы, караулили у подъезда. И вот пришла за ней любовь. Так

приезжает тайная полиция: здравствуйте, пройдемте. И пройдешь, никуда не денешься, вывернешься наизнанку, лишишься гордости, превратишься в тряпочку. Любовь облагораживает? Вот уж нет, скорее обезображивает.

Марина влюблялась дважды. Первая ее школьная любовь была неразделенной и длилась два года. Вторая, которая чуть не закончилась замужеством, к счастью, изжила себя, и Марина зареклась влюбляться. Помешательство же ведь! А помешательство ни к чему хорошему не приводит.

На земле миллиарды мужчин, но свет сходится клином на единственном, и бревна в его глазу не видно. Ладно, Наташка влюбляется периодически, но Оливия...

Когда Марина вышла из метро, уже смеркалось. Тянулась вереница машин со включенными фарами, мерцала реклама, из ларьков веяло жареным мясом. Захотелось съесть какую-нибудь гадость, и Марина купила чебурек у носатого улыбчивого кавказца. Расправившись с едой, приобрела торт в небольшом магазине — организм Наташки работал на глюкозе, и от сладкого у нее улучшалось настроение. Подумав, взяла бутылку белого сухого. «И заверните две жилетки, пожалуйста. Нет, лучше три».

Наташка ждала Марину. Красные глаза и распухший нос свидетельствовали о пролитых слезах, початая бутылка водки — о том, что на адекватность подруги лучше не рассчитывать и следует запастись терпением. Ведь только для Марины ее Сашка — гопник, лентяй и бестолочь, Наташка же видит в нем достойнейшего из мужчин.